

СЕРГИЕВО-ЕЛИСАВЕТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2.06.07
ДОКЛАД М. ЕЛИЗАВЕТЫ (КРЮЧКОВОЙ)
«ТРАДИЦИИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ
МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ»

Уважаемые дамы и господа!

Прежде всего, хочу выразить вам глубокую признательность за то, что вы нашли возможность предоставить эту трибуну и готовы выслушать мое скромное сообщение.

Кроме того, невозможно не оценить по достоинству Ваше уважительное отношение к истории, пусть всего лишь вчерашней, но уже истории, истории пятнадцатилетнего возрождения Обители, которую невозможно не учитывать в дальнейшей ее биографии. Восстанавливая Обитель, мы не были идеальными, но и наши ошибки и просчеты могут в значительной степени облегчить и сократить по времени движение вперед следующих поколений в деле возрождения уникального Российского благотворительного учреждения - Марфо-Мариинской обители милосердия.

Только Иваны, непомнящие родства, забывая или уничтожая историю, пытаются творить се на развалинах, наступая, таким образом, на собственные грабли.

Теперь приглашаю Вас мысленно перенестись в Замоскворечье. К сожалению, я не располагаю фотографиями, которые находятся в Обители, но надеюсь на Ваше воображение.

Есть на Большой Ордынке местечко, которое так и манит к себе каждого, кто хоть раз побывал там.

Это место освящено Угодниками Божиими, Царицей Небесной и самим Господом. «Неужто такие места бывают вот так запросто, стоит только сделать шаг в сторону от дороги и отворить заветную калитку?» - спросите вы. Представьте себе, да... Название этому благословенному месту Марфо-Мариинская обитель. Марфа и Мария - две Евангельские святые, олицетворяющие труд и молитву. Их брата Лазаря любил Спаситель и бывал в их доме.

Обитель с таким названием и с идеей молитвы и труда была создана Святой Преподобномученицей Великой Княгиней Елисаветой. И было это по историческим меркам совсем недавно - в начале XX века. Обитель открылась в 1909 году. Невозможно точно пересчитать, сколько же Святых Угодников прошло обительскими дорожками! Сама Елисавета Федоровна, ее родная сестра Императрица Александра, Николай II -государь, их дети, будущий патриарх Тихон, инокиня Варвара, сестра Евдокия и так далее. Основной храм посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. Так хотела основательница, матушка Елисавета. Имена, названные выше, - Святые

новомученики Российские. Сестру Евдокию мы нашли в списках мучеников, захороненных в Бутово.

Для чего же создавалась обитель среди обилия монастырей па Российской Земле? Великая Княгиня, оставшись вдовой, хотела верой и правдой послужить своей второй Родине. Принцесса Гессен -Дармштадская Элла, внучка Королевы Великобритании Виктории, вышла замуж за Великого князя Сергея Александровича и без колебаний приняла православие. Счастье было недолгим. Супруг вскоре погиб. Он был взорван

революционером Каляевым. Тревожные были времена. Великая княгиня осталась в России и приняла решение открыть обитель нового типа. Сотням и сотням нуждающихся сумела помочь обитель за 9 лет своего расцвета. Дети-сироты, воины, многодетные, инвалиды, старики ... Кормили, обували, одевали, лечили, выводили в люди, учили...

Вы знаете, в 1918 году Великая Княгиня и инокиня Варвара были вывезены на Урал в Алапаевск и сброшены в шахту. Было это 18 июля. 17 июля погибла царская семья. Без хозяйки Обитель кое-как сводила концы с концами и была окончательно закрыта в 1926 году.

А теперь, чтобы лучше понять суть Обители Марфы и Марии, предлагаю совершить небольшой экскурс в историю. В историю возникновения и жизнедеятельности общин милосердия в Европе и России.

Марфо-Мариинская Обитель милосердия, организованная в начале XX столетия, была далеко не первой в ряду общин сестер милосердия в России. Великая Княгиня скорее подвела итог драматической истории этих общин, нежели открыла им счет.

Но главной ее заслугой было другое: опираясь на опыт предшествующих поколений сестричеств в России и на Западе, Великая княгиня создала уникальную форму церковно-общественного социального служения.

Если проанализировать исторический путь сестричеств в России, можно сделать безошибочные выводы:

Во-первых, путь этот тернист и исполнен противоречий.

Во-вторых, он не идет ни в какое сравнение с судьбами Западных общин сестер милосердия. Западные общины сестер милосердия развивались легко, без осложнений, под покровом церкви.

Уставы и правила католических общин, например, почти не отличались от монастырских. Но при этом общины активно занимались миссионерством и благотворительностью. Ордена и конгрегации носят тематический характер. Кандидатки в сестры по своему внутреннему устройению, в соответствии с душевными потребностями могут избрать тот путь, который им наиболее близок по духу.

В ордене кармелиток, к примеру, соединялись в молитвенных трудах сестры, чье призвание - молитвенный подвиг. Они не общаются с миром, или

почти не общаются. Их собственный мир закрыт от постороннего любопытного глаза. Так предписывает их монашеский церковно-юридический устав.

Сестры, имеющие склонность к миссионерству и милосердию, выбирают иные ордена и конгрегации, еще в XIX веке большая группа сестер объединилась, в частности, в общину «дочерей милосердия» Викентия де Поля (причисленного позднее к лику Святых). Но и эти общины имеют строгий устав и церковно-юридический статус конгрегации. В уставе общины Викентия де Поля записано: «Принципиальная цель, для которой Бог призвал и устроил дочерей милосердия, - почитать Господа Бога нашего Иисуса Христа как источник и образец всякого милосердия, служа ему телесно и духовно в лице больных, будь то больные, дети, заключенные и другие». В отличие от кармелиток эта конгрегация беспрепятственно связана с миром.

Орден Урсулинок собирает в свои ряды, если я не ошибаюсь, всех, кого волновали и волнуют проблемы молодежи.

И в протестантской среде, будь-то лютеране или евангелисты, в англиканской церкви, в сестринских общинах как-то легко и гармонично сочетаются церковный и общественные интересы. При всем конфессиональном и тематическом разнообразии сестричеств Запада, есть у них одно общее: признание церковью, церковно-юридический статус и миссионерство в полной гармонии с духовной жизнью.

У Российских общин, если рассматривать их в исторической ретроспективе, иной путь. С одной стороны, сестричества, их деятельное служение во все времена были востребованы в России. С другой стороны, они мучительно пробивали себе самостоятельную дорогу в жизнь. Как малые речки и ручейки они с усилием стремились пробить толстый слой непонимания и с трудом выживали в мутном житейском море. В отличие от своих западных собратьев они самоутверждались в жизни как учреждения частные, общественные, но никак не церковные.

Сестринские общины в России формировались по-разному, одни стихийно, пытаясь содержать себя собственными силами, другие - создавались богатыми меценатками и получали пожертвования от них, третьи пытались сосредоточиться под крылом церкви.

При создании российского красного креста, многие общины сестер милосердия прибились к этой организации. В ней же состояли и представители церкви. Но филантропические и патриотические идеи РОКК многим казались светскими, к тому же нечеткими, размытыми, и поэтому принимались не каждым сестричеством.

Парадоксально, но государство попыталось было соединить еще в XVIII веке церковное служение с общественным, но опыт не удался.

Такая попытка была предпринята в Петровские времена. Известно, что Петр I и его сподвижники очень многое переняли из европейского государственного, экономического, общественного и нравственного

устроения.

Государство пыталось повернуть монастыри, особенно женские, от созерцательности к деятельному служению. Для этого был специально разработан Духовный регламент.

Но этой мучительной затее не суждено было развиваться. Попытки перевести монастыри на социальные рельсы, открыв там приюты для детей, инвалидов, увечных воинов и прочих страждущих, для насельниц оказались непосильными. Почему?

Чтобы заниматься медициной, педагогикой и иными социальными направлениями, нужны были соответствующие знания, которых ни у монахинь, ни у послушниц не было. В подавляющем большинстве это были неграмотные, забытые крестьянки. Им самим-то, говоря современным языком, нужна была психологическая поддержка, а на них, темных, неразвитых, взвалили воспитание будущих граждан Российской империи, да лечение и обеспечение достойного существования для престарелых и увечных.

Но, несмотря на такой неудачный опыт внедрения социального служения в монастырский быт, сестричества все-таки зарождались, крепились, множились, пробивая себе дорогу и в XVIII. и в XIX, и в XX веках, нащупывали свой самобытный, Российский путь.

Указом Екатерины II в 1764 году начали закрываться многие женские монастыри. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

С этого момента начали стихийно формироваться женские объединения нового типа.

Они состояли в основном из послушниц, вынужденных покинуть разоренные обители, но не оставлявших желания заняться чем-нибудь полезным и сосуществовать общежитийно. Как правило, это были наиболее продвинутые кандидатки, имеющие пусть простенькое, но образование. Ведь насельницами были не только крестьянки, пути Господни неисповедимы! Поэтому в монастырях могли оказаться представительницы дворянского, купеческого сословий, горожанки, бывшая прислуга богатых хозяев и проч. Может быть, подсознательно они ощущали тягу к социальной активности.

В новых обителях складывались союзы сестер-единомышленниц, связанных общими идеями. Освободившись от монастырских правил и послушаний, от жесткой дисциплины, требующей неукоснительного лишения себя собственной воли, сестры стали проявлять творческую инициативу. Они открывали рукодельные мастерские, которые их кормили, маленькие больнички, ясли, странноприимные дома. Численность общин росла, но ни церковь, ни государство не замечали нового явления в обществе.

Однако, обители продолжали жить и развиваться. Они содержали себя сами, своим трудом, находились и жертвователи. Такие обители были востребованными обществом.

Надо отметить, что насельницы бережно хранили монастырские традиции, хотя и не давали монашеских обетов. В обителях действовал

монашеский устав, и была строгая духовная дисциплина.

Данные общины удержались от закрытия и в XVIII, и в XIX веках, наблюдались и в начале XX века.

В XIX веке, особенно во второй его половине, стали выдвигаться смелые идеи восстановления древнего чина диаконисе. В Западной Европе диаконические службы органично вписались в общество. Восточная Европа, Русь-Россия, пошла по иному пути - пути развития монашества.

Поборником православных общин диаконисе был молодой священник Александр Гумилевский. С 1860 года он окормлял Крестовоздвиженскую общину и знал, как говорится, ситуацию изнутри. В сестрах милосердия ему чудилось что-то чуждое, иностранное. Зато православные диакониссы, как считал священник, будут родными русскому духу.

Но ни вид барынь с наперстными крестами, ни теток с ораями на шее (такими представлял диаконисе о. Александр) не были приняты простым народом; люди сторонились, не желая принимать их помощь.

Прочитав проект устава православных диаконисе, составленный о. Александром, император Александр II наложил резолюцию: «Не нужно придумывать новые, непонятные для большинства виды служения».

Между тем, общее число и разнообразие общин милосердия пополняли сестричества другого рода, не стихийно сложившиеся, а организованные волею меценатов. Такие общины действовали под руководством знатных и состоятельных дам.

Их особенностью было то, что знатные дамы создавали сестричества, содержали их и предоставляли им свои помещения, но сами жертвенного служения в их деятельности не несли.

Истинным защитником среди немногих поклонников доморожденных сестричеств был митрополит Московский Филарет (Дроздов). Владыку особенно притягивало и радовало то, что эти объединения не были подражанием западным образцам, а носили чисто российский самобытный характер. Митрополит внимательно ознакомился с жизнью одной из таких общин в городе Задонске Воронежской губернии. «Тихоновское общежитие, - отметил Владыка, - образовалось не по иностранным образцам, но в простоте духа православного и русского».

В конце XIX века в Костромском Богоявленско-Анастасьином монастыре даже открылось училище сестер-милосердия. Его выпускницы, как правило, оседали в новоявленных сестричествах. Были ли они в монастырях, утверждать не берусь. Возможно были, но не как массовое явление. Нельзя игнорировать тот факт, что при некоторых монастырях открывались больницы, богадельни, приюты для сирот. В Шамордино, в Новом Афоне (мужской монастырь), Николо-Перервском. Но сказать, что это повальное явление, невозможно, ибо большинство монастырей сосредотачивалось на молитве за Святую Русь. Что касается сестричеств, вопрос о том, должны ли общины быть церковными или общественными, оставался открытым и спорным.

Их статус так и не определялся.

Возникали общины и западного образца. В Питере действовали католические, англиканские объединения. Были и межконфессиональные, сестер в таких общинах связывала лишь социальная работа, а духовная жизнь - врозь. Каждая - в своей конфессии.

Но вернемся к российским самобытным общинам. Во второй половине XIX века на российском горизонте социального служения была заметна община Давыдовых в Петербурге. Мария Владимировна Орлова-Давыдова по наследству от матери и бабушки приняла в управление Петербургскую общину. Позднее она создала еще одно сестричество под Москвой в своем имени. Община называлась «Отрада и утешение». Сподвижницы проживали в частных домах, которыми владела Мария Владимировна.

Сестричества, подобные этим, тоже имели право на существование. Они создавались, как я уже сказала, волею богатых дам и целиком от них зависели и, увы, были без будущего. Если хозяйки уходили из жизни, или разорялись, или просто надоедало заниматься хлопотным делом, общины распадались. Данная община передавалась из поколения в поколение.

В память о родных и будучи увлеченной сестринским движением, идеями милосердия, Орлова-Давыдова младшая решила дать своему сестричеству долгую и счастливую жизнь. Мария Владимировна сама стала заниматься сестрами и даже впоследствии приняла монашество с именем Магдалина. Ее мечтой было все-таки приблизить к церковному уставу свои детища.

Магдалина дружила с игуменьей Московского Страстного монастыря Евгенией (Озеровой). Игуменья живо интересовалась деятельностью Орловой-Давыдовой и однажды посетила сестричество, о чем оставила дневниковые записи. Она обратила внимание на противоречивость бытия в общинах.

С одной стороны, сестры живут просто, незатейливо. Они искренне пекутся о больных, нищих, посещают богадельни, детские приюты. Но за всем этим доброделием игуменья своим опытным и цепким взглядом рассмотрела и другую сторону бытия сестер. Матушку насторожила невыстроенность духовного воспитания и роста. Насельниц окормляет старенький священник, видимо заштатный. В свои 80 лет он не в силах служить ежедневно, да от него этого и не требуют. Батюшка проживает в крошечной келейке при богадельне. «Церковные службы ведет не по уставу - четыре раза в неделю. Под праздник служит только всенощную, и все тут. Какое-то полуиностранное заведение» - замечает в дневнике игуменья.

Чтобы было наиболее понятным противоречие в сестричествах такого рода, позволю себе привести и другие дневниковые записи матушки Евгении, а именно беседу между ней и Марией Владимировной Орловой-Давыдовой: «Мое одно желание, - горячо рассуждала Мария Владимировна, - поставить общину на монастырский лад, дать ей руководство духовное или, лучше, обратить ее в монастырь.

- Это дело неудобное, - возразила матушка Евгения, - Суетные дела благотворительности: школы, ясли, т.е. хождение за крошечными детьми, больницы, прием больных, занятия в аптеках отнимают все время, умучивают донельзя, так, что о молитве или внутреннем своем состоянии и подумать некогда, да и невозможно. Мы не бесплотные, и нам нужно отдохновение сном и отдых мысли.

На что Мария Владимировна заметила с горечью:

- Отчего же за границей общины имеют духовный характер?

- По-моему, враг хитро действует. Осмотритесь и увидите сами, - размышляла игуменья, - Сперва были монастыри, потом смешали с делами милосердия. А теперь монастыри уничтожены, общины умаляют, а в Швейцарии и сестер милосердия не позволяют. То же происходит и в нашем православном отечестве, уничтожая доброе под видом доброго. Всмотритесь. Великая княгиня Александра Петровна явила самые благие намерения и меня уверила, что это все прекрасно. Смешала монастырь с общиной сестер милосердия. Что вышло? Безобразие, неустройство, беспорядок и срам монашеству.

- Стало быть, и наша община устроена на песке? - с горечью усомнилась Мария Владимировна.

Матушка Евгения понимала, что разочарует собеседницу, но ответила так:

- Да, почти. Во-первых, в ней нет основания всеестественного - капитала. Во-вторых, нет настоящей твердой правительницы, держится вашим семейством, вашими средствами, вашим положением в свете. Вашим попечением и держите ее, а что думать о будущем? Ежели нужно ее существование - Господь воздвигнет человека, который поддержит ее и после вас. Не нужно - это дело Божие.

Мария Владимировна не сдавалась:

- Стало быть, надо отложить попечение о духовном ее устройении?

А игуменья уточнила:

- Не то я говорю, а только невозможность соединить с общиной монастырь. Подумайте, может ли быть мир, где в одном и том же заведении два разнородных учреждения? Оставьте общину неприкосновенной, продолжайте благотворение.»

Страницы дневника матушки во многом отразили отношение общества и православной церкви к общинам и обителям нового типа.

Этот небольшой исторический экскурс дает некоторое представление о том историческом фоне, на котором зародилась Марфо-Мариинская обитель. В заключение экскурса приведу еще один пример, последний, прежде чем перейдем к истории Марфо-Мариинской обители.

Наверное, невозможно перечислить все виды сестричеств, действовавших на ниве милосердия, тем более не перечислить имен

активисток социального движения. Но одно имя мне все-таки хотелось бы вспомнить добрым словом - имя баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, бывшей фрейлины императрицы Марии Александровны. В постриге Прасковья Розен - матушка Митрофания - игуменья Серпуховского Владычного монастыря. Ей удалось устроить образцовую церковно-общественную епархиальную Иоанно-Ильинскую общину сестер милосердия в г. Пскове в 1870 г., затем такую же Владычне-Покровскую в 1871 г. в г. Москве. А в 1872 году она была утверждена председателем Московского дамского комитета Общины сестер милосердия «Общества попечения о раненных и больных воинах», впоследствии Российское общество Красного Креста (РОКК). Общины, созданные ею, в самом деле, были образцовыми и вскоре приобрели популярность.

Окрыленная успехами, матушка Митрофания решила на воплощение в жизнь вековой мечты: соединить церковное и социальное служение в единое целое. Первый опыт давал уверенность в успехе. Она замыслила организовать церковные епархиальные общины по всей России, в каждой епархии, подобные тем, которые она уже создала. По ее замыслу

Епархиальные общины должны приписываться к женским монастырям. Непременное условие - монастырский устав общины, настоятельница-монахиня и часть сестер, монашествующих.

В общинах, которые матушка успела создать, наблюдалось начало монастырского бытия в сочетании с социальной деятельностью.

Однако грандиозным планам не суждено было сбыться. У дела, которому так беззаветно служила матушка Митрофания, оказалось слишком много врагов. Ни в чем неповинная, бескорыстная матушка Митрофания стала главным фигурантом одного из самых скандальных и громких судебных процессов.

В чем только не обвиняли Прасковью Григорьевну Розен, состоятельную даму, бывшую фрейлину императрицы, монахиню, игуменью монастыря! Ей приписывалось, говоря современным юридическим языком, мошенничество в особо крупных размерах, обвинения в воровстве, подделке векселей. Ее облили грязью с головы до пят и приговорили к ссылке в Сибирь.

Растерянная и перепуганная матушка Митрофания отбивалась, как могла.

«Те, кому не нравилось мое нововведение, - писала она в отчаянии, - и возбудили дружное восстание против меня - учредительницы этих общин».

Так оно и было на самом деле. Хлопотная идея епархиальных общин оказалась не востребовавшей и посчиталась вредоносной.

Эта идея была безнадежно скомпрометирована, так же, как и сама автор и поборница этих идей. Осиротевшие сестричества, процветавшие при руководительнице, теперь стали искать защиты в сотрудничестве с РОКК, но и там им было неуютно.

Один из самых авторитетных архиереев XIX века Митрополит Филарет (Дроздов) горячо разделял идеи создания церковно-общественных сестричеств. Внутреннее устройство он видел так: сестры-милосердия должны дать пожизненный обет. Пожизненный обет должна дать и настоятельница, более того, настоятельница и некоторые сестры должны принять монашество. Настоятельница должна обладать большими правами: она и мать сестрам, и их попечительница, она и начальница по исполнению обязанностей. Кроме того, община должна иметь устав и опытного духовника. Далеко не каждая претендентка может занять место настоятельницы. «Только человек, одушевленный сильной христианской любовью может основать и вести учреждение сего рода так, чтоб оно имело дух и жизнь, и приносило истинно добрые плоды».

Эти мысли целиком разделял отец Иоанн Янышев, духовник Крестовоздвиженской общины, сменивший отца Александра Гумилевекого.

«Если Бог воздвигнет исполненного благодати мужа, служителя церкви, или какую-либо великую женщину-подвижницу, - размышлял священник, - которые бы влиянием своего примера и убеждений извлекали из мира и соединяли около себя малое стадо избранных, укрепили бы одушевляющие их святые чувства и под осенением и руководством церковной власти направили бы их к тому или иному другому роду благотворительной деятельности. Утверждать же общину лицу, не призванному на это дело свыше, утверждать не личными подвигами самоотвержения, ради Христа, а только материальными средствами и уставами, не имеющих обычного христианского воспитания, не испытанных в деле бескорыстного самоутверждения, ищущих себе лишь приюта и пропитания... и при этом украшать сестер христианскими крестами, а общину - именем христианского милосердия, это есть такое предприятие, которое не только осуществить, ни и принять с церковной точки зрения невозможно». Но эти голоса были одиноки в обществе.

Чтобы дело милосердия стало жить действительно полной церковно-общественной жизнью в России, нужен был хороший организатор, нужна была личность яркая, волевая, самостоятельная, и в то же время жертвенная и преданная Господу, жаждущая послужить немощным, как самому Христу,

готовая взойти вслед за ним на Голгофу.

Такой великой личностью на ниве российской благотворительности явилась миру Великая Княгиня Елисавета Федоровна Романова. Только она сумела найти правильное решение, результатом которого стало учреждение обители труда и милосердия, которой доселе не знала ни Россия, ни Европа.

Как ей удалось соединить несоединимое? Каким шестым, седьмым чувством Великая Княгиня сумела отобрать в историческом хаосе самое лучшее, самое драгоценное: и идею православных диаконисе, и небогатый опыт монастырей на ниве милосердия, который все-таки существовал, и общественные формы социального служения, и авторские общины, и, конечно, богатый Европейский опыт и так далее.

Но Марфо-Мариинская обитель - это не эклектика из прошлого опыта, это принципиально новое явление. Весь предыдущий опыт был лишь прелюдией, и он настолько глубоко переработан, что приобрел новое качество и новое звучание. Но было бы ошибочным полагать, что обитель - это лишь творческая переработка прошлого опыта. Нет! Автор внесла в идею обители нечто новое, самое главное, свое. Великая княгиня сумела под одним общим знаменателем собрать и соединить мечты и чаяния представительниц самых разных сословий, сделать их единомышленниками в деле социального устройства Российской державы в целом и судеб каждого из подопечных в отдельности. Конечно, в таком великом начинании опыт прошлого был просто не оценен и задействован активно. Обитель сразу же безоглядно была принята всеми: простым людом, представительницами дворянства, студенчеством, армией, иными сословиями. Она стала всенародной и мгновенно наполнилась сестрами из разных слоев общества.

В чем секрет, в чем тайна такого небывалого успеха?

Великая Матушка оставила нам завещание, устав, переписку и другие документы, но, сколько бы ты их не изучал, до конца проникнуть в тайну совершенства и гармонии обители не получается. Святая Преподобномученица Великая Княгиня Елисавета уже при своей земной жизни творила не только на земле, но и на небесах. Оттуда, с небес принимала подсказки. И, я думаю, запретно препарировать эту тайну совершенства Богоугодного дела, надо принять ее как данность и свято соблюдать все наставления, которые оставила Святая Преподобномученица Великая Княгиня Елисавета. Близким по духу Великой княгине оказался священник отец Митрофон Сребрянский. Елисавета Федоровна приглядела его в г. Орле. Это был блистательно образованный, многоопытный, деятельный батюшка, прошедший большой жизненный путь. Он был полковым священником, в Орле имел огромную паству. Духовно богатый, тихий, простой, можно сказать, сельский, но сильный духом, строго соблюдающий православные каноны и в то же время прогрессивный и гибкий, с утонченной душой и самобытный. Все эти качества пребывали в нем в удивительной гармонии.

Елисавета Федоровна все это увидела и не желала лучшего духовника

для обители. О. Митрофан не сразу согласился покинуть Орловщину. Он не мог представить себе, как расстанется с родными прихожанами, на кого их бросит. Но отказы дорого стоили священнику. То заболит, то ни с того ни с сего отнимется рука. Он понял. Это знаки свыше, и не считаться с этим невозможно.

Так началась их дружба, их великое строительство, двух Святых. Св. Преподобномученицы Великой княгини Елисаветы и Святого исповедника Российского отца Митрофана (Сергия). Нет сомнений, что этот союз был благословлен свыше.

Я вижу результаты этого соработничества так. Великая княгиня, урожденная принцесса Гессен Дармштадская Элла, полное имя которой Елисавета, названная так в память о Святой католической церкви Елисаветы Тюрингенской, ученицы Франциска Ассизского. Елисавета Тюрингенская - одна из прародительниц, основательниц древней династии Великих герцогов Гессенских. От юной Эллы Елисавету отделяли столетия, но святая жизнь супруги средневекового рыцаря, добрые деяния, жертвенная жизнь, отданная сирым и убогим, сохранилась и в памяти народной, и в отзывчивом сердце принцессы Эллы.

Другим примером для подражания был материнский род, бабушка Виктория, величественная королева Великобритании, время правления которой осталось в истории как знаменитый Викторианский период. Материнская линия не менее славна благородными делами. Мать Эллы, принцесса Алиса, хотя и побаливала частенько и была обременена детьми, тем не менее успевала творить добро. В Дармштадте до сих пор процветает госпиталь Алиса, построенный для бедных по инициативе матери.

Генетически Елисавета прошла все конфессии, вобрав все лучшее, что несли ее предки и, наконец, погрузилась в православие, в котором почувствовала всю полноту христианской веры.

Творение Великой матушки - обитель - понимали далеко не все. Несмотря на то, что Августейшую особу обижать не принято, тем не менее, даже среди священства раздавались раздраженные голоса: «Протестантка, навязывает то, что нам чуждо» и т.д.

Первый устав на Синоде разгромили так, что приходится удивляться, как княгиня выдержала и где нашла силы, чтобы продолжить задуманное.

Конечно, опыт жизни в православии у Великой княгини был невелик, но зато она была богата другим.

Православие она восприняла всем сердцем, как дитя, чувственно и с детским восторгом. В ее горячей вере не было места ни рассудочному прагматизму, ни лукавству или фарисейству, ни лени. Великий князь

наблюдая за супругой, даже пугался, как молниеносно, ее чистая душа наполнялась и зажигалась счастьем новизны и глубины новой веры, как, без тени сомнения, по-детски радостно и открыто, она понесла огонь своей православной веры людям.

Елисавета Федоровна осталась такой до конца своих дней. Она принесла великую жертву России и нашла в себе силы, как глубоко верующий человек, простить мучителей и пожалеть их.

При строительстве обители горячая вера Великой княгини, ее эмоциональная жажда деятельности соединились с духовным опытом о. Митрофана, его практической жилкой, глубокими богословскими знаниями. Все это дало удивительный результат.

Принципиальной разницей, отличавшей обитель от предыдущих сестричеств, было то, что в основу, или, точнее, в фундамент обители, т.е. в тот самый камень, на котором все хорошо стоит, было заложено православие.

У сестричеств в фундаменте закладывались общественные принципы, а православие было где-то рядом, сбоку.

В обительской стройке фундамент диктовал дальнейшее строительство. Каждый шаг сопрягался с православными канонами. И, если использовался чей-то опыт, в том числе и европейский, он выверялся, укреплялся и видоизменялся православием, а не размывал веру.

Например, было решено использовать древнее движение диаконисе. Но в своей полноте диакония не увязывалась с православием.

Было утверждено следующее устройство обители. Первой ступенью при поступлении в обитель девиц 18 летнего возраста являлась ступень учениц. Если девицы не выдерживали молитвенных, учебно-медицинских и практических трудов, никто не мешал им безболезненно покинуть обитель. Если же они принимали решение остаться, то по исполнении 20 лет, пополняли следующую ступень - испытываемых сестер. Сюда же вливались кандидатки из числа вдов, незамужних от 20 лет и далее - до 45 лет. Испытываемые сестры давали обеты на определенные сроки, которые могли выдержать. По истечению этих сроков испытываемая могла продолжить испытание, взяв новый обет, или безболезненно оставить обитель. Везде присутствует свобода выбора. Господь сделал нас свободными, и мы должны уважать чужую свободу.

Одежда учениц проста. Серое платье, белый фартук и косынка.

У испытуемых сестер большая белая косынка, заломленная па висках. Она закрывает лоб до самых бровей, фиксируется под подбородком и покрывает спину и плечи как апостольник. Белые манжеты украшают рукава, те же фартуки.

Пройдя длительное испытание и не покинув стен обители, испытуемые сестры переходят в третий разряд - крестовых сестер. Крестовые сестры носят белые апостольники, наперсные кресты, фартуки и манжеты. Крестовая сестра тоже может покинуть обитель или остаться таковой до конца дней своих, но может, если пожелает ее душа, принять иное решение.

Дело в том, что уставом обители закреплено следующее положение: путь от ученицы до крестовой включительно приравнивается к пути иноческому, но с одной только оговоркой: «без пострижения власов». Поэтому, сестра, с молитвой прошедшая долгий путь, может принять монашеский постриг - стать мантийной монахиней.

Обратите внимание, какая совершенная схема от простого к сложному. На каждом этапе сестре предоставлено право выбора. Уважается личность, уважается свобода. Свободный путь завершается восхождением на духовную вершину - мантийное монашество, затем схима. Свободное и зрелое решение о последнем шаге не дает сбоев, разочарований.

Посмотрите, как до неузнаваемости переработана идея древней диаконии, и не просто переработана, а обогащена настолько, что обратилась новым качеством. Узнаваемыми составляющими можно назвать ступени восхождения и свободу выхода. У диаконисе, этих ступеней две. Главное, куда они ведут?

Диакониссы второй ступени во многом подменяют деятельность священника, они хозяйничают в алтаре, являются духовницами сестре первой ступени, крестят. В результате, такие вольности в христианстве приводят к разным результатам, в том числе к женскому священству, что мы видим в англиканской церкви.

С каждым шагом вверх по лестнице испытуемая сестра укрепляется в вере и выбирает дальнейший путь свободно, честно и сознательно. Это с одной стороны. А с другой: что ей предлагают на заветной вершине диаконии и православие? Или конкуренцию со священником, или высокий духовный путь ко Господу, ничем и никем не ущемляемый, сосредоточенный на молитве, не омраченный бытовыми нестроениями. Думаю, что второе решение единственно верное.

Такая схема сразу пришлась по душе очень и очень многим женщинам. А, если еще учесть, что Елисавета Федоровна всилу горячего, сердечного восприятия православия, принятого ею без колебаний, пережившая личное горе, сумела разгадать сердечный разум русской женщины, успех нового учреждения превзошел все ожидания. Великую матушку народ воспринял

как свою, полностью доверял ей.

Нашим деятельным российским женщинам особенно пришлось по душе путь социального служения по силам. Устал - сойди с дистанции, сомневаешься - проверь себя не раз и не два. А в конце пути, будучи в возрасте, ты не брошен в пустыне. Ты с Господом, ты укрыта мантией от неурядиц и болезней, старость твоя обеспечена как нельзя лучше. Уставшей

от земных трудов, не надо искать пристанища в каком-нибудь ином монастыре, к которому еще надо привыкнуть.

При обители предполагалось открыть скиты для монахинь. В кругу своих сестер в соборной молитве провести остаток дней - что может быть лучше!

Обитель быстро набрала силы. 150 сестер беззаветно трудились во славу Божию, во славу обители.

Социальные программы разворачивались одна лучше другой.

В обители был открыт приют для детей-сирот, много внимания сестры уделяли бездомным, а также патронажному служению. Не забывала обитель проблем армии, увечных воинов, пеклась о детях и семьях погибших солдат и офицеров.

Особое внимание было направлено на образование и трудоустройство молодежи, Одновременно Елисавета Федоровна занимала 150 общественных должностей от попечительницы Большого Театра до общества спасения на водах. В обители действовала лечебница, устроенная по последнему слову науки, аптека для бедных, бесплатная столовая. По образу и подобию московской обители стали стихийно открываться подобные обители по стране.

Но для сильных мира сего новое предприятие все-таки было сомнительным. Настоятельнице приходилось биться и за утверждение устава, и за статус врачей в амбулатории обители, и за оплату огромной переписки, которую вела обитель с населением, в общем, всего не перечислишь. Были у нее друзья, но и недруги тоже были. Главное, Великую матушку принял народ, принял обитель - ее родное детище.

Крепко сработанная, духовно насыщенная, обитель со временем стала жить в автоматическом режиме. Помощники настоятельницы, в первую очередь духовник, ин. Варвара, Валентина Гордеева и другие поддерживали неукоснительное молитвенное начало, бытовой порядок и деловой настрой. Великая матушка теперь могла отлучаться. Она посещала монастыри, доехала до Урала, его Северного Верхотурья, много времени отдала миссионерским поездкам по Башкирии.

В 1914 году Елисавета Федоровна написала завешание, наполненное тревогой за дальнейшую судьбу обители после смерти хозяйки. Близкие к настоятельнице друзья и единомышленники стали замечать за матушкой

перемены. Она стала молчаливой, задумчивой. Часто уединялась, а уединившись, подолгу молилась.

Когда читала вечерние правила с сестрами, требовала тишины после молитвы, чтобы не расплескать молитвенного настроения, сохранить это молчаливое состояние до отхода ко сну. Молоденькие сестренки иногда срывались на смех и болтовню, чем гневали матушку.

Елисавета Федоровна посещала скиты в Оптине, Глинской пустыни и другие. Подолгу беседовала со старцами. Многие из этой части ее жизни нам неизвестно. Многие полагают, что настоятельница приняла постриг с именем Алексия. Однако, никаких доказательств и документов не существует.

Однажды, беседуя со следователем по особо важным делам, который занимался расстрелом царя Николая II и его семьи, а так же трагической кончиной Елисаветы Федоровны, я просила его отыскать в документах перечень личных вещей из одежды, оставшихся после ее гибели. Этот список составили представители царской армии, после того, как вынули из шахты истерзанные тела.

Когда я этот список, наконец, получила, раз сто перечитала его, в надежде обнаружить какие-либо следы монашества: срачица, параман и др., но, увы, одежды были светскими.

И тогда я, вдруг, поняла: нельзя беспокоить Романовых. Их жизнь, их последние дни, их кончина окутаны тайной, неразрешимой загадкой, поэтому искать документы о постриге бесполезное занятие, как и многое другое.

И это надо принять на веру - пострижена на Небесах. В Иерусалиме в храме Марии Магдалины хранятся параманный крест, четки и иные свидетельства, смею заметить, что в монашеские одежды обрядили покойную уже после гибели и так довели до Иерусалима.

В общем-то, по историческим меркам обитель просуществовала недолго. К 1907 году начали в обители собираться первые сестры. В 1909 году утвержден устав, и этот же год можно назвать годом настоящего открытия обители. В 1918 году погибла настоятельница. С этого времени деятельность обители угасала и волей новых властей была закрыта и разграблена в 1926 году. Всего 9 лет расцвета! Сколько же добра было послано людям за эти 9 лет.

Шли годы. Память постепенно стиралась. В храме Святых и Праведных Марфы и Марии устроили спортзал, в Покровском храме разместились реставрационные мастерские им. Грабаря, в доме священника устроили жилье.

Кто знает, как бы повернулись события, если бы не грянула перестройка в начале 90-х годов.

Я была тогда журналистом электронных средств массовой информации. К началу 90-х многого добилась. Программы мои были

популярны, я то и дело выезжала на какой-нибудь форум с докладами, то в Америку, то в Японию. Была принята Папой Иоанном Павлом Вторым. Встреча длилась более 2-х часов. Это был приватный ужин в резиденции Папы. С кучей подарков я покинула резиденцию, предварительно помолвившись Православной иконе Казанской Божией Матери в Его молельне. Я просила Матерь Божию заступиться за Россию. Ощущение надвигающейся беды не покидало меня.

Перестройка схватила за самое сердце. Я, вдруг, увидела каким-то внутренним зрением, как посыпались с палубы большого корабля под названием Государство старики, безногие, больные, сироты. Они пытались удержаться, но корабль стряхивал балласт, чтобы не утонуть самому.

Мне стало страшно и стыдно. Я не могла работать у микрофона. Все изменилось в мгновение ока. Многочисленные фонды лопались как мыльные пузыри, они или ублажали чьи-то амбиции, или отмывали деньги.

Извечный вопрос: Что делать? Я побежала в Госархив. Будучи по первой профессии историком, стала искать ответ у истории.

И вот чудо! В первый же час поисков я наткнулась на документы обители. Нежный лик Великой Княгини заморозил меня. Устав обители потряс своей простотой и совершенством. Вот оно! Вот, что нам нужно! Я отправилась на Ордынку посмотреть, осталось ли что-либо от обители.

Конечно, осталось! И старый заброшенный парк, и белоснежный храм Покрова, и многочисленные строения. Все в единой идее и все разорвано. В доме священника - жильцы, в сестринском корпусе - поликлиника, в деревянных строениях - кооперативы. Позже к ним прибавится общество «Память».

Стемнело. А я все не могла сдвинуться, будто приросла навсегда, и место мое отныне здесь. Вскоре случилось другое чудо. Я с теплоходом отплываю на Святую Землю. К святым мощам Елисаветы я припала октябрьской ночью 1990 года, выскочив из экскурсионного автобуса вместе с двумя приятельницами. Город Иерусалим в эту ночь был пуст. Население затаилось, шли военные действия между израильянами и палестинцами. Мы вместе с Гефсиманскими монашками бесстрашно отправились к Гробу Господню. Свободно вошли в Кувуклию, помолились, причастились.

Надо сказать, что я всегда относилась к числу верующих, хотя всю жизнь скрывала это. Это была моя самая большая тайна, тайна от родителей-коммунистов, от друзей, знакомых. Веру мне привили мои бабушка и бабушка. Я не один год прожила с ними в деревне Андреевка Пензенской области, ковырялась в черноземе рядом с бабушкой. Дед был полностью слепым. Сажали картофель и овощи, растили, убирали, а по вечерам дед, свесив больные ноги с теплой печки, пересказывал мне наизусть Гоголя,

Толстого, Пушкина, Лермонтова, а между строк вдруг отвлекался и излагал какую-нибудь поучительную историю о виноградарях, младенцах или отцеживании комара. Бабушка тоже старалась. Одета по-деревенски, она как-то прямо держалась, как будто в корсете. Вроде как все деревенские и что-то в них, моих воспитателей, было не так. А я твердо помнила, что родилась в 1935 году, в свиновхозе им. Калинина и зовут меня Мая, в честь 1 мая. А вот интеллигентность воспитателей и их происхождение держалось от меня в тайне. Такие были времена.

Когда, будучи взрослой, я открыла Евангелие, я поняла, что знаю его почти наизусть.

После поездки в Иерусалим я ушла с работы. Это было не сразу, но это случилось. Я полностью посвятила себя обители. Я считала, что только реальным трудом, а не болтовней помогу людям. Семья куда-то уплывала, или я уплывала, но к чести моих домашних они меня понимали и помогали всем, чем могли. «Иди, - говорил супруг, - это твое призвание, твой долг. Ты должна его выполнить.»

Первым делом необходимо было передать земли Церкви. Они числились частными. Великую Княгиню не поняли до конца при жизни, Синод отказался принять частные владения Августейшей Особы и перевести их в церковные.

С огромным трудом, собрав десятки подписей, я все-таки исполнила завещание Великой Матушки. Земли были переданы в безвозмездное пользование РПЦ. Затем удалось поставить на охрану все строения, как памятник истории и архитектуры. С 1993 года Обитель стала единым архитектурным комплексом, а позднее - Патриаршим Подворьем.

А между тем перестройка брала свое. Те самые, что сыпались с палубы, в большом количестве посыпались в обительский двор. Беженцы, переселенцы, бомжи, пенсионеры, многодетные, брошенные дети, инвалиды. Всех не перечесать. И все хотели есть, всем надо было во что-то одеться.

Удалось по старым своим журналистским связям найти немецкие фонды, готовые оказать помощь. И в течение нескольких лет к обители 2 раза в месяц (итого 24 раза в год) подъезжали нами же растаможенные фуры с прицепами, и мы с колес кормили, одевали, раздавали необходимое всем, кто нуждался.

Тут же подъезжали монастыри, приходы, сестричества. Хватало всем. Мы сбивались с ног, но дело свое знали. Невозможно подсчитать, скольким людям удалось помочь. Конечно, в такое горячее время было не до благолепия зданий. Небесная хозяйка обители ставила перед нами другие задачи. В большом количестве повалили люди из Чечни. Беглые, с

перебитыми щиколотками от кандалов, раздетые, больные, голодные. И опять днем и ночью помогали всем и каждому. О нас уже хорошо знали и шли за помощью.

Вот так вернулась к жизни одна из социальных программ Великой княгини - помощь нищим, обездоленным, а затем, почти сразу, возродились и другие.

В 1996 году открылся в обители приют для детишек. Сладить с детьми улиц было не так-то просто, но мы поладили. Сначала поладили, а потом крепко полюбили друг друга. За десять лет ни одного побега, ни одной неудачи. Наша задача была нам ясна - вырастить достойных граждан России. Мы очень старались вернуть им детство, вылечить их, выучить, воспитать, научить трудиться. Мы создали чудный хор из детей и взрослых сестер, ансамбль скрипачей, у нас были аквалангисты и любители конного спорта, свои поэты и прозаики. Первые воспитанницы выросли, превратились в красавиц. Образованные, многие с высшим образованием, они обзавелись хорошей работой, семьями, детьми. И с семьями спешили в отчий дом - в Обитель.

На особом счету, как и у Елисаветы Федоровны, военная программа, особенно развернувшаяся во времена второй чеченской войны. Мы взялись опекать местное население и пограничников. Связующим с военными выступил старый генерал Колосков Ю.В. Не могу припомнить, сколько раз сестры вместе с ним оказывались в горячих точках.

Аргунское Ущелье, пос. Асиновское, Грозный, Владикавказ, Итум-Калинский погранотряд, военный госпиталь в Кисловодске, военно-полевой

госпиталь Ростова-на Дону. Тонны первоклассных грузов. Это в первую очередь медикаменты, палатки, одеяла, альпинистские принадлежности, питание, строительные материалы, книги, газеты, иконы, духовная литература. Ходили, просили, призывали народ, подключали Москву, фонды, СМИ.

Но самое-то главное было не только в содержании груза, а в том, что наши ребята, наши воины, были счастливы, что о них помнят. Все коробки мы расписали: «От альпинистов-спортсменов такого-то отряда», «От хлебозавода № ... г. Москвы «Сыночки, вам свежие куличики» (более 1000 штук), «Дорогие воины, вам от фонда «Благовест», «От москвичей», шерстяные носки из Питера и т.д. Со слезами на глазах ребята переспрашивали сестер: «Это правда, это нам?» А обратно мы везли кучу писем, телефонных номеров с просьбой позвонить, всевозможных записок. Звонки наши звенели по всей стране.

Главное в этих поездках, порой очень опасных, груз передавался из рук в руки, а не оказывался на рынке.

Летели самолетами, вертолетами, ехали машинами, поездами. Все для

армии - вот девиз наших сестер.

А все очень просто. Я помнила свою войну, Отечественную. Помнила живую связь народа и армии. Помнила незатейливые скудные посылки, которые мы отправляли на фронт. Варезки с отдельно вывязанными указательным и большим пальцами для курка, любовно высушенные сухарики от нищей пайки хлеба, расшитые кисеты, куда корявыми пальцами набивали душистый табачек деревенские старики. Они сами его растили. Да еще треугольнички писем с детскими рисунками «Бей фашиста», или «Воин, спаси».

Вот мы и расписывали коробки с добрыми надписями, которые трогали солдат до слез.

Особую дружбу мы вели с солдатскими матерями. В поисках сыновей, они тянулись в столицу. Без денег, голодные и потерянные, они ночевали в подъездах жилых домов, обивали пороги. Мы открыли двери солдатским матерям, давали им кров, питание, помогали найти детей. А потом помогали вернуться домой с сыновьями или без, но с определенными сведениями. В дорогу давали поесть. И ведь вот удивительно, откуда-то и деньги брались, и продукты. Частенько придут бомжики и в кулаке держат смятую десятку или затертый флакончик одеколона, или поношенные туфли и, улыбаясь беззубыми ртами, суют в руки сестрам. А еще любили приносить молоденькую тую - растение такое, похожее на кипарис. Завернут в газетку и дарят. Где надергали, не говорят. То ли в парке, то ли на кладбище. Народ очень любил сестер и щедро помогал. С немецкой помощи перешли на отечественную. Несли все самое хорошее, чистое, стиранное. Зимы были неровными. Порой мучили холода. Бездомные страдали. Многие поумирали у нас на руках. Никому не нужные, они, как последнее желание, просили бульончику горячего или чаю. Все, что могли, делали, не хуже врачей без границ. Порой оттуда пациенты бежали к нам. И сестры без страха заразиться перевязывали, лечили гнилые раны. Очень многих подняли с колен и вернули к полноценной жизни. Не раз вспоминалась пьеса М. Горького «На дне». У нас тоже были свои Бароны, Сатины, Летчики, Принцы.

Мы просили их трудиться, кормили только трезвых, в закоулках большого двора летом устраивали баню, протянув туда длинный шланг. Переодевшись в чистое, мужички неторопливо тянули чаек и готовы были отдать жизнь за сестер. За это время в обители ничего не пропало. А наши бездомные были для обители надежной охраной. Прячась по углам двора, вили себе гнезда, устраивали даже библиотеки и выглядели вполне цивилизовано. Но и это время прошло. Пришло время возродить молодежную программу.

Особая дружба зародилась у нас с медицинским колледжем №2, что на

Лосином острове. Это целый студенческий городок. Мы заключили договор на основе договора Минздрава и Патриархии. Генеральный директор Петр Александрович Душенков во всем шел навстречу. В итоге развернулась прекрасная молодежная Всероссийская программа - обучение малоимущей православной молодежи сестринскому делу. Со всех концов России и С НГ потянулись к нам девчонки. В общежитии колледжа нам выделили этаж. С помощью ДСК-1 - В.Е. Копелева - Ген. Директора и его помощников изумительно отремонтировали и обставили комнаты. По немецкой программе закупили компьютеры, библиотеку. Девушки получали и православное образование. В итоге мы имели образованных, дисциплинированных, сердобольных и профессиональных сестер, которые были буквально нарасхват. В общей сложности обучалось 60-90 сестер одновременно.

Нельзя не сказать о патронажной службе. Женщины постарше, с дипломами младших сестер, трудились по домам. Их труд был особенно востребован. Звонили отовсюду и всем хотелось помочь.

Особое место занял в нашей жизни теперешний губернатор Нижнего Новгорода В.П. Шанцев.

Возвращаюсь к 1996 году. Выборы Мэра Москвы не были простыми. Шла тяжелая политическая борьба. Успех Лужкова зависел от многих моментов, в том числе от выбора Вице-мэра. Баллотировался Шанцев. И вот несчастье - его взрывают. Полуживой, обгоревший, он попадает в НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифасовского.

Так получилось, что нам, сестрам обители, доверили уход за В.П. Шанцевым. Два месяца, днем и ночью мы не отходили от его постели. Капельницы сменялись перевязками, перевязки - уколами, уколы - обработками ран и ожогов, мучительно болезненных. 120 ранений, огромное поле ожогов, сепсис и многое другое обрушилось на нашего Валерия Павловича. Дежурили по двое, чтобы не заснуть. Ловили каждый вздох, чтобы не пропустить возможное осложнение. Через два месяца стало ясно. Жив, поправляется, впереди Барвиха. Слава Богу!

Нас скрепила крепкая дружба. Каждый год в первых числах июня В.П. Шанцев с цветами и шампанским в «Склифе», а потом в Обители. Это второй день его рождения. Вице-мэр был занят массой проблем, конечно, не наших, городских, но и нам он успел помочь. С его помощью мы сумели переложить наружные коммуникации, освободить парк, найти инвесторов, освободить здания от посторонних, легализовать детский приют и многое другое.

Началось восстановление самого архитектурного комплекса. Получив из Англии вырезку из газеты с объявлением о намечающемся международном конкурсе на лучший социальный проект, я рискнула принять в нем участие. Поражение ничем нам не грозило. Собрала материалы по корпусу № 1, где у Великой Княгини всегда была медицина - аптека и лечебница - сделала описание проекта, перевели материалы на английский, отправили и стали ждать. Результат превзошел все ожидания. Мы выиграли

500000 долларов!

В Москве прошли торжества, а деньги оставались в Лондоне. Начав строительные работы в Первом корпусе, отправляли готовые и отработанные сметы. Так нам удалось получить эти деньги.

Очень удачно работала наша программа «Культурное наследие», одобренная в рамках городского благотворительного совета. Начали восстанавливать корпуса 3-4. Дело пошло, к нашей радости.

Во внутренней жизни обители тоже произошли изменения. По благословению Его Святейшества появились в обители первые монахини. Я ничего не делала без благословения Патриарха. Изучая исторические документы, поняла, что Великая Княгиня видела своих сестер в дальнейшем монахинями. И еще Елисавета Федоровна хотела открыть скиты. И мы их открыли. В Тверской области, селе Владычня, последнем пристанище первых сестер, в Волоколамском районе, селе Каменки, Орловской области, селе Долбенкино, бывшем имении Сергея Александровича.

И еще особая радость и гордость - Детская Севастопольская здравница. Конечная идея была очень благородна - создание Независимого славянского центра для детей-сирот. Эту идею подхватили спонсоры. С широкой душой они делали взносы. Мы купили в центре города два участка, старые домики, очень быстро переделали их, определили, где будет теплый бассейн. Хотелось, чтобы здравница действовала круглый год, и как можно больше детей обездоленных и больных побывало там.

И еще была одна радость - благотворительный бал в Виндзорском дворце в Лондоне. Его устроил Его Высочество принц Уэльский Чарльз в память тети Эллы - Елисаветы Федоровны, в память Королевы-матери. Собралась лондонская и российская элиты. Были собраны значительные средства, которые предназначались обители. Было это в 2003 году.

Возрождая обитель, мы поначалу и не думали об ее устройении, т.к. Великая Матушка, наша небесная настоятельница, ревниво следила, помогаем ли мы людям, попавшим в беду или нет. Или занимаемся исключительно благолепием обители. Нет. На первом месте были конечно люди.

Потом, когда чуточку вздохнули, задумались, как мы живем, как устроена обитель, мнений было очень много, порой противоречивых, даже враждебных. Раздавались голоса, что вся идея безнадежно устарела и считаться с ней ненужно. В лучшем случае обитель можно назвать обителью памяти Великой княгини.

Но мы, первые сестры, не отступали. Еще и еще раз изучив обительский устав, поняли, что он не устарел и в ближайшее время не потеряет своей актуальности. Он дает направления и одновременно - свободу действий. Вот тут-то игодились те самые ступеньки, крепко сколоченные Великой матушкой и по которым спустя почти столетие мы начали карабкаться к духовным вершинам.

Четкое устройство первой обители, закрепленное Уставом Елисаветы Федоровны, спасло нас от хаоса. Обитель потихоньку выстраивалась, усовершенствовалась, приближаясь к изначальному идеалу. Дисциплина подтягивалась, споры затихали. Вместо христианского клуба с горластыми тетками, которые все знают и навязывают свое мнение окружающим, стало вырисовываться православное учреждение, дом Марфы и Марии, где любил бывать Спаситель. Интеллигентные, молчаливые сестры искренне молились и самоотверженно трудились. Святейший патриарх взял нас под свое крыло - мы стали его Подворьем.

К 2000 году появились первые ласточки - сестры, прошедшие все ступени и робко мечтавшие о мантии.

Третье тысячелетие принесло первые постриги. Нас понял и благословил Святейший Патриарх.

В самой обители оставалось 3-4 монахини, остальные - возглавили скиты. Всего постригов было совершено 11.

Обитель стала настолько любимой и популярной в России и за ее пределами, что мы даже робели перед такой известностью. Хотелось, чтобы все было идеально. Но обитель - живой организм, это не застывшее раз и навсегда учреждение. В третьем тысячелетии стало стремительно меняться российское общество, особенно молодежь. Сердечный российский разум, когда женщина сначала чувствует, страдает, бросается на помощь, а потом уже думает, увы, стал неактуальным. Отечественная эстрада, например, заполнилась песенками с характерными припевами: «Мани, мани, черный бумер» и т.д. Уже неслышно стало среди этой какофонии старой эстрадной звезды Людмилы Зыкиной, воспевавшей чистую любовь. Вместо слов «Люблю тебя» в припевах когда-то слышалось: «Жалею тебя», а теперь - «Мани, мани». Да, молодежь изменилась, стала расчетливой, жестокой. Да и православный люд заметно поубавил христианско-романтического ныла. Все стали считать, выгадывать, экономить, стремиться подзаработать.

Не так-то просто найти сегодня девушку «не от мира сего», желающую трудиться безвозмездно и не задумываться о завтрашнем дне, девушку тихую, безответную, без юношеских мечтаний, кроме одного - жертвенно спасать убогих.

Мы решили пойти путем привлечения к этому благородному делу наших студентов, дисциплинированных, богословски образованных и, конечно, верующих. По контракту выпускники по желанию продлевают свое пребывание в училище на год или два. С ними заключается контракт о работе в качестве обительской патронажной сестры - сестры милосердия. Обитель отвечает за судьбу сестры. Если она захочет остаться в обители, пишет прошение настоятельнице. Если желает жить самостоятельно, обитель помогает ей определиться, в том числе и с образованием.

Такое устройство я углядела в Германии в обители Св. Иоанна под Берлином и в других обителях. Там диакониссы социально защищены и получают жалование.

Но планам нашим не суждено было сбыться. К 2005 году, когда обитель полностью освободилась от посторонних структур, в нее вошли новые люди.

Снова начался застарелый спор, а были ли в обители монахини? Не были! Монахини были выведены из состава сестричества. В обители началась иная жизнь.

Старый коллектив: педагоги, сестры, водители, управляющий, хозяйственник, нянечки, повара не разбежались, просто тихо покинули обитель, будучи невостребованными новым руководством. Мы снова вместе. Теперь мы арендуем трехкомнатную квартиру в центре Москвы, немедленно подобрали наших сирот-подростков, также невостребованных новым руководством, зарегистрировали общественную благотворительную организацию «Международный Центр Милосердия», при ней - службу реабилитации детей и подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, а также социальную гостиницу для подростков от 12 до 23 лет, дневного и круглосуточного пребывания. Под нашей опекой в первую очередь оказались наши же воспитанницы и воспитанники, попавшие в беду. У нас находят приют и наши уже взрослые воспитанники. Мы помогаем им и материально, и советом, и юридическими консультациями. Нас связывают добрые отношения с комитетом социальной защиты, нашим медицинским колледжем. В ближайших планах - совместно с колледжем возродить патронажную службу, привлекаем и комитет социальной защиты, заново собираем семейный клуб, состоящий из семей, где кто-то из членов страдает недугами алкоголизма, наркомании. Когда-то клуб был очень популярен. Налаживаем заново дружбу с международным женским клубом жен дипломатов и многое другое.

Мы по праву гордимся своими выпускниками приюта. Почти все с высшим образованием. Среди них бизнесмены, доктора, кардиологи, хирурги, строители, военные, учителя, издатели, экономисты, психологи, выпускницы консерватории, регенты и т.д. Это наши ордена.

Мы, ревнители и продолжатели исторических идей, заложенных в обители Святой Преподобномученицей Великой княгиней Елисаветой, будем ей до конца верны. Пока бьется сердце. В конце концов, какая разница, где трудиться, главное, не сойти с пути и не предать идею, которая стоила жизни Великой матушки.

В общем, вернулись к исходным историческим рубежам, пополнив число тех общин, которые так бурно возрастали во времена Екатерины II. Круг замкнулся почти через три с лишним столетия. Такова особенность

России. На нашу долю достались добрые меценаты, пусть небогатые, но не оставившие в беде прежде всего обездоленных сирот. Слава Богу за все!

Ну, а на Большой Ордынке то самое святое место продолжает притягивать народ. Эту благословенную землю освятили Новомученики Российские: Патриарх Тихон, император Николай II, его многострадальная семья, Исповедник Сергей (о. Митрофан Сребрянский), сестра Евдокия, инокиня Варвара и многие, кого мы еще не знаем. Отсюда начался Крестный путь Святой Преподобномученицы Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары к Российской Голгофе - уральскому городку Алапаевску, к глубинам заброшенной шахты.

Стоит обительская земля под покровом Матери Божией и Великой Матушки. И чтобы ни было, чтобы ни происходило, земля эта, обильно политая слезами насельниц, навечно остается Святой, как Святой Град Иерусалим. Это навечно.